

Г. В. Алексушин

ТЮРЬМА «САМАРСКИЙ КРЕСТ»

«Эти печальные места представляют собою учреждения слишком далекие от того совершенства, какого желают для них современные друзья человечества»

П. В. Алабин

Создание тюрьмы (1888-1898)

В 1888 г. инспектор ГТУ Д. С. Бахтеяров, прибыв из столицы, сделал подробный анализ тюремной системы Самары, сочтя ее неудовлетворительной. В главном тюремном замке на углу Алексеевской (совр. Красноармейская) и Ильинской (совр. Арцыбушевская) арестантов содержалось в 2 раза больше положенного по циркуляру (вместо 978 - 2 000), условия заключения оставляли желать лучшего: темные сырые камеры с грибком на стенах, недостаток питания, отсутствие дезинфекции, полуграмотный персонал ¹.

Император Александр III, прочитав отчет, потребовал построить в Самаре современную тюрьму, которая обеспечивала бы и близлежащие регионы, связанные с городом железной дорогой.

Для нее выбрали участок земли Чижева площадью 633 кв. саженей на Ильинской между Оренбургской (совр. Чкаловская) и Полевой улицами. В 1892 г. их выкупило ГТУ с согласия действительного тайного советника М. Н. Галкина-Врасского за 15 000 р. и выделило из государственной казны на постройку самарской губернской тюрьмы 900 000 р.

В 1893 г. в Санкт-Петербурге открыли тюрьму «Кресты», построенную по проекту архитектора ГТУ, профессора Томашко. Уменьшенной копией ее (в столице - 2 «креста», в Самаре - 1) должна была стать самарская. 10 января 1895 г. Томашко (уже не работавший в ГТУ) представил всю проектную документацию по самарской узнице. Тюремный комитет доработал проект, дополнив «столь обширное жилое помещение» электростанцией и пекарней, квасоварней и ледником, баней и прачечной, водопроводом и канализацией ².

Сметы разрабатывал губернский архитектор, гражданский инженер Тадеуш Северинович Хилинский, он и руководил строительством ³. Контракт на постройку строительный комитет заключил с Виленским купцом 1-й гильдии Моисеем Тимофеевичем Пимоновым. Самарским купцам что-то помешало взяться за выполнение столь выгодного подряда. 28-29 июля 1896 г. состоялась торжественная закладка 1-го камня. Для поддержки строительства в Самаре создали временный строительный комитет под председательством самарского вице-губернатора (в

1896-1905 гг.) В.Г. Кондоиди. Отчеты о строительстве регулярно посылал в столицу самарский губернатор А.С. Брянчанинов.

В 1897-1898 гг. было отремонтировано здание с трубой при тюрьме⁴.

1 декабря 1898 г. «новостройку» «заселили» первые арестанты. 15 декабря состоялось официальное открытие⁵. Окруженная 4-х метровым кирпичным забором, тюрьма была рассчитана на 968 мест (308 одиночных камер для мужчин и 60 одиночек для женщин). Одиночки дополняли отдельные помещения общего заключения на 480 мужчин и 50 женщин. Министр внутренних дел П.А. Столыпин лично следил, чтобы количество заключенных соответствовало нормативам.

Описание тюрьмы

4-этажное крестообразное здание производило впечатление своим видом на фоне 1-этажных и 2-х этажных домов вокруг. Тюрьму окрестили «Самарский крест» за форму, благодаря которой (и решетчатым полам) надзиратель из помещения в центре «креста» наблюдал одновременно за всеми четырьмя отделениями, и при необходимости мог перекрыть выход из любого. В главном корпусе были пересыльный пункт, контора, комната свиданий, в подвале – мастерские со слесарными и токарными станками, где заключенные за плату выполняли заказы городских властей; кузница; карцеры; камеры долгового отделения; цейхгаузы; кухня и хлебопекарня.

В 2-х помещениях больницы (одно – отдельно стоящее с подвалом с покойницкой) и аптеке при тюрьме работали доктора Евгений Исидорович Голишевский (в 1898-1908 гг.) и Николай Иосифович Каинский (в 1908-1918 гг.). Кроме них, работали 3 фельдшера и бессменный лекарь Савелий Поляк.

Паровое отопление и вентиляцию устроила фирма «Братья Кертинг»; котлы и машины поставило общество Бромлей. В домах администрации и надзирателей (они жили при тюрьме) отопление было печным, а вентиляция – через форточки. Вытяжная вентиляция выгодно отличала тюрьму от жилых и административных зданий одинаковой этажности⁶. Система вентиляции позволяла следить за влажностью воздуха. Сверху батарей специальных приточных камер для согревания свежего воздуха располагались увлажнительные приборы, придавая согретому воздуху до 50% влажности. В одиночках на узника полагалось 25 м³ воздуха, в общих камерах по 15 м³ на каждого. Температура одиночки в любое время года составляла не ниже 15*, общей камеры – не ниже 17,5*, подвального карцера – не менее 12*.

По тюремному двору из керамических труб разного диаметра была протянута канализация, отводившая горячую воду от всех зданий в

общий колодец глубиной 24 сажени (51,2 м) с фильтром в верхней части из слоев угля, песка и камня.

На случай пожара в пересыльном дворе поставили пожарный кран системы городского противопожарного водопровода, а возле больницы - городской пожарный кран⁷.

Компания «Сангали» оборудовала при тюремной прачечной паровую дезинфекционную камеру новейшего типа для обработки арестантской одежды от микробов, бактерий, вшей и гнид. Кожаные обувь и одежда обрабатывали формалином. Имелась зимняя сушилка и цистерна для полоскания белья. Белье менялось еженедельно, по необходимости - чаще. Расположенную в тюрьме баню с березовыми вениками посетители не реже раза в 2 недели.

В тюрьме была электростанция. Освещение провела фирма «Сименс и Гальске». Одиночку освещала лампа в 8 свечей, общую камеру - 10 свечей, коридоры - 16 свечей, двор - 8 дуговых фонарей по 900 свечей каждый.

В тюремной церкви (с хорами) Чудотворной иконы Богородицы всех скорбящих в радости попом 20 лет служил протоирей Николай Петрович Богоявленский. Одновременно он бесплатно преподавал в тюремной школе и приюте для детей арестованных, способствовал созданию и росту тюремной библиотеки.

При поступлении в арестный дом и тюрьму запрещенные предметы (алкоголь, карты, опасные орудия), деньги и ценные вещи отбирали. Табак к запрещенным предметам не относился. Заключенные носили свою одежду, но если она была ветхая и грязная, выдавали казенную. Можно было иметь и собственные постели.

В одиночной камере полагалась железная кровать, на день складывавшаяся и пристегивавшаяся к стене. На день постельное белье уносили или запирали на поднятых кроватях. В камерах устанавливали деревянные стульчаки с железными выносными ведрами, отгороженные невысокими деревянными ширмами. Арестант был обязан соблюдать порядок, убирать мусор, подметать асфальтовый пол в камере, раз в день выносить ведро с отходами, называвшееся парашей. В камерах разрешали чтение книг религиозно-нравственного и иного полезного содержания (из дома или тюремной библиотеки), писать письма. Для арестантов из привилегированных сословий и для несовершеннолетних отводили особые камеры.

Кормили из тюремной кухни, позволялся собственный стол со стороны. Питание было трехразовым, норма - не менее 2,5 фунта (1,024 кг) хлеба на человека в день, на обед - первое и второе с мясом или рыбой под соусом. В рацион входили доброкачественные мясо, крупы, овощи и фрукты. Система медных трубок подводила кипяток на все 4

этажа, и узникам разрешалось в камерах дважды в день пить чай: утром после уборки и в 16⁰⁰ (после обеда). Подаяние (хлеб, булки, пирожки, крендели, пряники, конфеты, фрукты и пр.), приносимое в праздничные дни в тюрьму благодетелями, распределяли между арестованными поровну. Денежные пожертвования также делили поровну и записывали в специальную книгу для выдачи при освобождении.

Подъем в летнее время - в 6⁰⁰ утра, в зимнее - в 7⁰⁰. Прогулки устраивали с 9⁰⁰ до 12⁰⁰ и с 13⁰⁰ до 16⁰⁰. Заключенные могли заниматься в камерах ремесленными работами собственными инструментами. Ежедневно назначали очередных дежурных из простых чинов для уборки тюремного двора, колки дров, подметания чугунных лестниц и асфальтовых коридоров, мытья деревянных полов в административной части здания. Арестантам запрещали нарушать тюремный распорядок, пить вино, играть в азартные игры, кричать, дебоширить. Но на стенах появлялись надписи: «Не тот в дерьме, кто на тюрьме», «Без баб - и парашка баба», «Начальник тюрьмы - петух» и др.⁸

За несоблюдение чистоты, неисполнение обязательств по хозяйствам, слушание, буйства, принятие запрещенных предметов, употребление вина и т.д., следовали наказания: выговор, лишение прогулок на какое-то время, лишение свиданий, денежные взыскания, заключение в темном карцере на время не свыше суток.

По желанию арестованных они могли привлекаться к общественным работам для нужд города (день такой работы засчитывался за 2 дня ареста). Продолжительность рабочего дня составляла 11 часов летом и 10 - зимой (в это время входили обед и час отдыха после обеда). Свидание с родственниками позволяли 2 раза в неделю в присутствии сторожа. Дозволяли получение передач.

Развитие тюрьмы (1898-1917)

В Самару направляли наиболее опасных преступников из Поволжья, Кавказа, Туркестанского края. Регулярно на железнодорожном вокзале останавливался состав с прицепленным к нему арестантским вагоном. Солдаты конвойного полка, расквартированного на набережной Волги под Александровским спуском, выводили будущих узников «Креста», строили в колонну и под штыками трехлинеек гнали по Ильинской (совр. Арцыбушевская) улице к месту заключения⁹. В «Кресте» сидели уголовники и политические. Особо опасные «медвежатники», «карманники», авторитетные воры на долгие годы занимали одиночки без права общения с другими узниками, чтобы не передавать опасные для государства знания и опыт. Охрана тщательно обыскивала посетителей на предмет шила или заточки. Но начальники тюрьмы все равно боя-

лись, так как оружие профессионалы могли пронести даже в заднем проходе¹⁰. Да и не всегда охрана была на высоте.

О расширении круга вопросов, решаемых самарским губернским инспектором, свидетельствует его приказ №38 от 15.12.1899 г.: «В связи с наступлением магометанского месячного поста «Рамазан» 21 декабря предоставить им для моления отдельные камеры, с тем, чтобы обвиняемые по одному делу не были соединены. При этом в виду обычая, разрешающего магометанам в посту принимать пищу только по закату солнца, предлагаю на это время выдавать им обед вместе с ужином»¹¹.

Иван-Мячеслав Францевич Кошко (самарский вице-губернатор в 1906-1907 гг.) писал: «тюремным инспектором состоял пожилой человек, по профессии бывший земский врач. Это был очень нерешительный господин и страшно боялся революции, а потому тюремные порядки при нём были никуда не годны. Камеры политических арестантов оставались все время открытыми, а потому они находились как между собой так и с другими заключенными в свободном общении. Если не было массовых побегов из этой тюрьмы, то это благодаря тому, что тюремное здание было новое и к нему применены все указанные опытом меры предосторожности»¹². Однако, И-М.Ф. Кошко описывает побег летом 1906 г.: «В день свиданий к одному из серьезных политических арестантов явилась какая-то дама, приехавшая к тюрьме в своей парной коляске. Свидания оказывается производились не из-за решетки, отделяющей заключенных от посетителей, а в общей комнате, якобы, под наблюдением стоящих у дверей надзирателей и одного из помощников начальника тюрьмы. Одновременно в комнату свиданий было допущено столько народу, что там стояла чуть ли не сплошная толпа, никакого учета впущенных и выпущенных из комнаты арестантов и посетителей не производилось. При такой обстановке нисколько не удивительно, что приехавшая дама оказалась переодетым мужчиной. Она сняла с себя женский костюм и передела в него арестанта, который совершенно беспрепятственно прошел через всю стражу и вышел из тюрьмы, сел в коляску и бесследно скрылся. Бывшая дама, теперь уже мужчина, тоже ушел, не обратив на себя внимания. Только через два часа стражники спохватились. Когда тюремный режим становился строгим, таким, каким он должен быть по существующим инструкциям, арестанты пытались, и часто не без успеха, протестовать путем объявления голодовки. Мало того, голодовки эти часто бывали лишь показательными, т.е. арестанты не ели казенной пищи, но зато потихоньку подкармливались товарищами за счет приобретения съестных припасов с разрешением тюремной администрации за собственные деньги»¹³.

В начале XX в. тюрьма нередко становилась «площадкой» для политических «представлений». Так, в августе 1907 г. политзаключенные тюрьмы объявили голодовку¹⁴, а 24 апреля 1912 г. рабочие самарских заводов собрались перед тюрьмой и в знак протеста против Ленского расстрела пропели похоронный марш¹⁵.

В 1898-1918 гг. на должности начальника тюрьмы побывали 5 человек - от полковника до поручика, от коллежского асессора до чиновника без чина. Еще чаще менялись их помощники, число которых увеличивалось: 2 - до 1905 г., 3 - до 1914 г., 8 - к 1917 г. Все они - начальник тюрьмы и арестанты, духовный пастырь и тюремные надзиратели, фельдшеры и привратники - жили при тюрьме.

В 1909 г. Государственная Дума порекомендовала правительству устроить сельскохозяйственные фермы в УИС. Однако, у ферм участки были небольшими, и распространения они не получили. В 1910 г. площадь всех сельхозферм и участков в России составила 603 десятины. Одну из них организовали по договору об аренде 27 сентября 1914 г. с участком 15 десятин городской земли в 6-ти верстах от Самары между Черновской и Смышляевской дорогами при самарской губернской тюрьме под огород¹⁶.

В сложных условиях оказалась тюремная система в период между февралем и октябрём 1917 г. Губернская тюремная инспекция продолжала фактически управлять тюрьмами. Временное правительство в марте объявило амнистию «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления». 3 марта на основании постановления Временного правительства местная власть выпустила из тюрем политических заключенных и ряд уголовников¹⁷. 6 марта Временное правительство объявило об амнистии (повторная состоялась 17 марта), проведение которой значительно ухудшило криминальную обстановку в стране, в том числе и в Самарской губернии.

Тюрьма при новых хозяевах (26.10.1917-7.6.1918)

В сложных условиях оказалась тюрьма в гражданскую войну. В губернской тюрьме начальника избирало общее собрание служащих, надзирателей и рабочих с последующим утверждением губисполкомом. Не значали комиссаров для классового контроля. 1-м начальником и комиссаром самарской тюрьмы, в которой закрыли церковь, был избран «металлист» (рабочий Трубочного завода) А.А. Булышкин.

В декабре 1917 г. самарский губернский съезд Советов тюрьму переименовал в принудительный рабочий дом¹⁸ (чаще называвшийся Дом Принудительных Работ (ДПР)). Начался новый этап развития тюрьмы, построенный по новой политике: привлечение заключенных и осуж-

денных к труду. Дополнительно к ферме при самарском губДПР, где работали заключенные, выделили участки под огородные культуры.

Весной 1918 г. сатирический журнал «Харакири» по поводу губернского ДПР шутил: «Номера Торгового Дома «Куйбышев, Дерябина (супруга Ф. И. Венцека - прим. авт.) и К» (Солдатская слободка, здание тюрьмы). Свободных мест нет. Все помещения заняты крупными коммерсантами и общественными деятелями». Увлажнители воздуха, вентиляторы и отопление не работали, заключенные спали на нарах по очереди из-за нехватки мест. Кормили их порциями с воли, многие падали в голодные обмороки.

2 мая коллегия самарского губНКЮ в ознаменование пролетарского праздника 1 мая объявила в губернии амнистию, сократив всем осужденным срок пребывания в тюрьме на треть¹⁹. 17 мая амнистию «расширили» анархо-максималисты, захватив городской ДПР, освободив единомышленников и уголовников, уничтожив часть документации.

6 июня контрреволюционеры совершили еще один налет на губернскую тюрьму, ограбили ее кассу, цейхгауз, освободили 470 з/к²⁰.

Тюрьма при Комуче и чехо-словаках (8.6.-7.10.1918)

14 июня на рабочей конференции зачитали сообщение о тяжелом положении заключенных самарской тюрьмы (рассчитанной на 800 мест), общее количество которых составляло 1 680 человек. Постановили избрать комиссию для обследования положения в тюрьме и определения степени виновности арестованных²¹.

21 июня рабочая конференция заслушала доклад следственно-юридической комиссии Комуча, в котором указывалось: в тюрьме тяжелая обстановка, пища скудна, выдается раз в сутки; большая скученность, заключенные спят на голых нарах и цементном полу; среди них есть больные с инфекционными заболеваниями. Собрание выразило удовлетворение тем, что 4 представителя следственной комиссии, избранной конференцией, включены в следственно-юридическую комиссию КомУча²². На основании этого решения во 2-й половине июня из самарской тюрьмы освободили много заключенных, арестованных Советами, некоторые после краткой, формальной процедуры следования, тут же получали назначения на ответственные посты. Так, «управляющий административным ведомством Комуча П. Д. Климушкин освободил бывшего начальника жандармского управления полковника Познанского и поручил ему охрану «демократической республики»²³.

Страшной страницей истории самарской УИС при чехо-словаках и Комуче стали «поезда смерти». Решением Комуча заключенных из тюрем 23 июня погрузили в эшелоны и отправили в Сибирь к Колчаку. Из увезенных в 1-м самарском «поезде смерти» 2 700 человек живыми

прибыли в Иркутск 725²⁴. Один из них, П.А. Вавилов в апреле 1919 г. был расстрелян в Омске. Среди «пассажиров» поезда оказались А.А. Масленников, А.Я. Бакаев²⁵ и Серафима Ивановна Дерябина.

При КомУче широко применялось заложничество. Так, в самарской тюрьме заложницами держали 16 женщин - жен ответственных советских работников (Цюрупа, Брюханова, Кадомцева, Юрьева, Кабанова, Мухина и др.)²⁶. 5 сентября представители нейтральных государств - Дании, Швеции, Норвегии, Нидерландов и Швейцарии - выразили протест против ареста заложников-женщин, указав Комучу на то, что «подобные действия противоречат международному праву»²⁷.

Заседания судов Комуча проходили регулярно, но не всегда город узнавал о них. Один из процессов стал гласным, так как не удалось скрыть попытку к бегству из тюрьмы 11 сентября группы заключенных. Охрану самарской тюрьмы передали военным²⁸. В ночь с 12 на 13 сентября состоялся военно-полевой суд над 13-ю заключенными большевиками и беспартийными (Ф.В. Паршин (руководитель группы), Е.О. Михальский, П.И. Андронов, Ф.М. Голя, М.П. Демидов, А.В. Гилдаспов, А.А. Акимов-Трачев, Г.Н. Малашкевич, С.С. Сухоруков, Ф.В. Сазонов, Е.С. Дерябин, Левашев и И.Н. Шукайло), обвинявшихся в намерении обезоружить тюремную охрану и, соединившись с единомышленниками в городе, свергнуть Комуч. Суд приговорил к расстрелу 11 человек, двоих (Дерябин и Гилдаспов) оправдал. Расстреляли 5 человек²⁹; пятерым осужденным расстрел заменили 12-летней каторгой. 4 года каторги дали Демидову как несовершеннолетнему.

В августе-сентябре в самарской тюрьме находилось более 2 000 заключенных³⁰. В некоторых одиночках сидело по 15 человек.

5 октября из самарской тюрьмы свыше 2 500 заключенных отправили во 2-м «поезде смерти» на Восток³¹. Вслед за заключенными и Комучем в Уфу перебралась и часть сотрудников тюремной администрации.

Тюрьма при советской власти (7.10.1918-1932)

В период от ухода чехо-словаков из Самары до восстановления власти Советов, с 6 по 9 октября на ГДПР произошло несколько вооруженных нападений крупных банд, убили 3-х надзирателей, служащие разбежались и ГДПР впервые в своей истории почти 5 дней оставался без охраны. В нем осталось 30 политических и 40-50 уголовных заключенных.

От ГДПР (ставшего более организацией, чем учреждением), укрепленного рабочими кадрами, отделили Самарский Изолятор Особого Назначения (СИОН), территориально располагавшийся там же.

22 октября 1918 г. руководство СИОН направило в самарский тюремный подотдел письмо с указанием, что сельскохозяйственная фер-

ма как отрасль тюремного хозяйства может и должна сыграть выдающуюся роль как в хозяйственной жизни самарской тюрьмы, так и в трудовой занятости заключенных, привитии им навыков производительного труда, который еще и возместит затраты государства на места заключения. К письму прилагался план благоустройства и расширения фермы, для чего требовалось увеличить площадь ее участка.

На 1 января 1919 г. тюремное «население» СИОН при вместимости 669 человек составило 1 236.

31 января впервые в СИОН член коллегии правозаступников давал советы уголовным преступникам³².

В 1921 г. ДПР переименовали в Исправительно-Трудовые Дома (ИТД). В самарском ГИТД крестьян было 42%.

В 1925 г.³³ самарский губИТД стал изолятором специального назначения с исправительно-трудовым отделом (тюрьма), располагаясь по-прежнему на углу Ильинской (совр. Арцыбушевская) и Оренбургской (совр. Чкаловская) улиц. Еще его называли Волжским изолятором³⁴.

В 1932 г. главная тюрьма Средне-Волжском края называлась Самарский изолятор для следственных с отделением пересыльного пункта и отделением фабрично-заводская колония вместимостью 1 200 человек.

В 1932 г. 1 400 м² бывшего «Самарского Креста» передали под гражданские общежития ВУЗов и ВТУЗов Средне-Волжского края. В одиночках поставили деревянные нары, вместо одного арестанта поселили 2-х студентов. Позже почти все служебные помещения снесли, осталось только общежитие мединститута.

Посещения тюрьмы (1898-1917)

После первого осмотра «Креста» губернский тюремный инспектор Фрейганг воскликнул: «Да я бы сам здесь посидел!»³⁵. В российском уголовном мире про попавших в самарскую тюрьму говорили, что поехал к теще на блины или на даче отдыхает. Однако, дачей это заведение все же не было.

Социал-демократ Иван Федорович Демидов в 1904 г. попал в тюрьму за распространение листовок, его воспоминания хранятся в Самарском госархиве: «Не прошло и десяти минут, как начал раздаваться сбоку стук. Стук был настойчивым. Я начал искать везде по сторонам, нет ли где азбуки. Наконец, азбуку я нашел на одной из стенок полки, начал по ней соображать, о чем стучат. Наконец, сообразил: меня спрашивали: «Кто ты?» - Я ответил. Так через несколько часов я узнал все. Соседи по несчастью сообщили о методах работы полиции, могут подослать провокатора или наседку, могут подсунуть запрещенные предметы, а потом посадить в карцер, где избить и потребовать стать стукачом, угрожая увеличить срок. Надзиратели постоянно подсматривают в

камеру через специальный глазок, называемый «иудой», о чем надо помнить. Могут перевести в общую камеру с матерыми уголовниками, так называемую пресхату, где делают инвалидами, а то просто убивают. Тюремщики боятся гласности, а поэтому нужно постоянно пользоваться «тюремным телефоном» и передавать при свиданиях на волю все свои опасения для оставшихся на свободе социал-демократов. Последние подключают в случае необходимости либеральную прессу. Крестообразное построение тюрьмы фактически исключало возможность побега, так как зарешеченные окна камер в основном смотрели на тюремный двор. Кроме того, у охранников было все, как на ладони, к тому же, они имели право стрелять из мощных трехлинеек с утяжеленными пулями без предупреждения. Некоторые узники поплатились, когда пытались высунуться в окошко и что-либо бросить на улицу товарищам. Убитых свозили в покойницкую, и дело закрывали как несчастный случай. Узники чувствовали себя зверями в зоопарке, опутанными со всех сторон сетками, не дававшими возможность прыгнуть с галереи или в лестничный проем»³⁶. И.Ф. Демидов вспоминал: «Самарские «Кресты» - это мои университеты».

Во время ожидания этапа в Самарской губернской тюрьме в 1916 г. В.В. Куйбышев написал стихотворение, подписанное 12-тью товарищами по предстоявшей ссылке:

*Тянулась нить дней сумрачных, пустых,
Но мысль о вас, о милых и родных,
Тоску гнала. Улыбка расцветала,
И радость бурная по камерам витала.
Мы светло грезили о счастье дней былых.
Мы в путь пошли под звуки кандалов,
Но мысль бодрая и дух наш вне оков,
Когда увидели мы лица дорогие,
Заботы милые, улыбки молодые,
Веселый смех и ласку милых слов.
И там вдали, в снагах страны чуждой,
Ваш образ милый, бодрый, дорогой
Растопит лед суровой, злой неволи
И воскресит мечту о светлой, гордой доле,
О днях грядущих, наполненных борьбой»³⁷.*

В ночь с 17 на 18 сентября 1916 г. Валериан Владимирович вместе с делегатами конференции был в 8-й раз арестован и попал в самарскую тюрьму. Там он провел 4,5 месяца, подал просьбу о разрешении вступить в брак с арестанткой П.А. Стяжкиной³⁸. В 1917 г. у нее в тюрьме родился сын Владимир. Куйбышева в конце января — начале февраля

1917 г. этапировали на 5 лет в Туруханский край. Вернуться из этапа ему помог государственный переворот февраля-марта 1917 г., «заставший» конвой в с. Казачинском в 200-х верстах от Красноярска.

Когда самарский губернатор Л.Л. Голицын только приехал в Самару и осмотрел губернскую тюрьму, он остался ею так доволен, что воскликнул: «Если бы мне пришлось когда-нибудь сидеть в тюрьме, я постарался бы, чтобы это случилось в Самаре»³⁹. И стараться не пришлось, все получилось само собой. 4-7 марта 1917 г. в ходе февральского государственного переворота он сидел в этой самой тюрьме⁴⁰. С ним там оказались полицмейстер А.К. Крокосевич, начальник губернского жандармского управления М.И. Познанский, его помощники В.А. Станкевич и Н.И. Еманов, начальник почтово-телеграфного округа П.А. Базилевский, помощник начальника телеграфа Самаро-Златоустовской железной дороги М.Е. Быханов, начальник конно-полицейской стражи И.В. Пальчиков. Власти менялись, а тюрьма продолжала выполнять свою малопопулярную, но столь необходимую функцию.

При советской власти у приезжих самарская УИС вызывала улыбки. Так, Михаил Афанасьевич Булгаков записал в 1924 г. в своем дневнике: «Приехали из Самары Ильф и Олеша. В Самаре два трамвая, на одном надпись «Площадь революции - Тюрьма», на другом «Площадь Советская - Тюрьма». Словом, все дороги ведут в Рим!»⁴¹.

Примечания:

1. Алексушин Г. «Самарский Крест» и его узники // Самара. 2001. №8. С.30-32.
2. Литвинов Д. Самарский крест // Губернский вестник. №12.
3. Пояснительная записка к чертежам по постройке новой тюрьмы в г. Самаре.
4. ГАСО. Ф.1. Оп.12. Д.3618.
5. Самарская газета. 1898. 15 декабря.
6. От программы к программе. Куйбышев. 1962. С.216.
7. Из истории Самарской губернской тюрьмы // Культура. 1992.
8. Цит. по: Демидовы А. и И. Теплые руки самарских улиц. Самара. 2000. С.84.
9. Тюрьма отнимает свободу // Волжский комсомолец. Суббота. 1997. 5 июля. С.23.
10. См.: Демидовы А. и И. Теплые руки самарских улиц. С.83.
11. Цит. по: Токмаков В.А. Люди и годы. С.2.
12. Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. СПб., 1914.
13. Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора.
14. Право. 1907. 5 августа.
15. ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1615. Л.33,55.
16. Позднышев С. Основы пенитенциарной науки. М., 1924. С.184.
17. Волжский день. 1917. 8 марта.
18. Самарский губернский съезд Советов. Т.4. Резолюции. Самара. 1918.

19. ГАСО. Ф.Р-81. Оп.1. Д.135. Л.33.
20. Токмаков В.А. Люди и годы. С.2.
21. Волжское слово. 1918. 14 июня. №72.
22. Волжское слово. 1918. 21 июня. №121.
23. Солдат, рабочий и крестьянин. 1918. 2 ноября.
24. Красная быль: Сборник Самарского губ. бюро Истпарта. 1923. №2. С.130.
- №3. С.107-111; Бекеш Р. Поезд смерти // Открытая политика. 1998. №2. С.80-86.
25. Волжское слово. 1918. 24 июня.
26. Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье. (1918-1919 гг.). Саратов. 1974. С.101.
27. Гармиза В.В. Указ. соч. С.60.
28. Волжский день. 1918. 11 сентября. №72.
29. Приволжская правда. 1918. 27 октября.
30. Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье ... С.99.
31. Приволжская правда. 1918. 15 октября.
32. Коммуна. 1919. 1 февраля.
33. Путеводитель по Самаре на 1925-26 гг. Самара. 1926. С.46.
34. Подробнее о субкультуре заключенных Волжского изолятора см. в: Алексушин Г. Самарский СИОН // Самара. 2001. №9. С.23-25; Алексушин Г.В. Культура заключенных Волжского изолятора (по материалам 1925 г.) // Актуальные проблемы повышения качества подготовки кадров для правоохранительных органов и их влияние на совершенствование правоприменительной деятельности. Материалы научно-практической конференции. Самара. 2001. С.28-29.
35. Цит. по: Демидовы А. и И. Теплые руки самарских улиц. С.83.
36. Цит. по: Демидовы А. и И. Теплые руки самарских улиц. С.83-84.
37. Попов Ф.Г., Машковцев Л.В. Жизнь замечательных большевиков. Куйбышев. 1938. С.12; В.В. Куйбышев в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1936. С.197-198.
38. ГАСО. Ф.1. Оп.68. Д.3739.
39. Цит. по: Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара. 1996. С.239.
40. Алексушин Г. Последний начальник Самарской губернии // Самара. 2001. №7. С.22-24.
41. Булгаков М.А. Под пятой // Огонек. №51. С.17.